

*Моим друзьям —
Роману Гаркуше,
Александрю Александрову (Фаготу)*

Здесь, в этих складках моря и земли...

М. Волошин

Впервые Чёрное море я увидел четвёртого сентября. Так случилось, что до этого дня я ни разу на море не был.

Всё началось душной июльской ночью. В моей съёмной квартире раздался настойчивый треск телефонного звонка. Подушка, закинутая на голову, положения не спасала и лишь немного приглушала надрывный звук. Наконец я сдался и, пошарив по тумбе, снял телефонную трубку.

— Вован, ты где? — раздался насмешливый говорок.

— В Караганде, — раздражённо ответил я. В сонной затуманенной голове крутилось что-то очень знакомое, никак не мог вспомнить, где я мог слышать эти смешливые нотки.

— Он говорит, что в Караганде, — давясь от смеха, доложились кому-то на другом конце провода.

Там раздался басистый гогот:

— Так мы ему в Караганду и звоним!

— Спроси, почему он до сих пор не у нас? — поинтересовались другим, чуть писклявым, сдавленным от смеха голосом. Видимо, кому-то это казалось забавным.

Я открыл глаза. Цифры, светящиеся зелёным светом, будто висящие в темноте над силуэтом столика, сообщали о четвёртом часе ночи. Обида и злость закипали во мне всё сильнее, я хотел было послать куда подальше этих полуночников, но уж очень знакомыми казались мне голоса «весельчаков», и я решил не бросать трубку.

— Тут Серёга недоумевает, почему ложе сибарита ты не поменял на удобное кресло авиаалайнера. Ещё успеешь на утренний рейс, к вечеру будешь у нас. Немного пасторали в вечерний час тебе не помешает! — снова гогот на том конце.

Владимир СОФИЕНКО

г. Петрозаводск

Пастораль южного берега

рассказ

— Рома? Ты, что ли?! — я припомнил особую манеру разговора своего старинного друга, в голове моей наконец-то просветлело, враз проснулся и в нетерпении присел на кровати. Теперь я был даже рад этому звонку.

— А кто же ещё, друг мой, тебе будет звонить в два часа ночи! Здесь Мишка и Серёга тебя добиваются. Они ещё пару дней у меня погостят.

— У нас, между прочим, уже четвёртый час! — с деланной обидой сообщил я.

— Вован, всё относительно, давай прилетай уже! — орали в трубку.

— Вы что, пьёте, что ли, черти? — дошло до меня.

— Мы предаёмся элегантному пиру, — прозвучал не менее элегантный ответ. — Приезжай, а то эти мужланы своими криками разогнали всех пейзажников за оградой моего дома. Хотя одну нимфу нам всё же удалось пленить!

— Не хочу быть нимфой, хочу быть пейзажницей, — послышался мелодичный девичий смех.

— Да нет, — говорю, — Ром, у меня тут дела...

— Как будто у нас дел нет! — перебили меня не церемонясь. — Завтра в Симферополе БГ концерт даёт! Я договорился, что после выступления они с группой к нам придут отдыхать. Помнишь: «Этот поезд в огне, и нам некуда больше бежать...»?

На том конце нестройные голоса, бесстыже фальшивя, вдохновенно подхватили нашу любимую песню, впрочем, даже после этого спиритоза она не утратила своего очарования. Мне вспомнилась наша юность, сборная Казахстана по плаванию, тренировки, сборы, потом была студенческая общага и «квартирники» до утра с батареей трёхлитровых банок из-под пива и бутылками вина на полу... Затем с развалом Союза нас раскидало, словно кегли для игры в боулинг, по всей бывшей империи. Я слышал, что Мишка завоевывал Москву, Серёга занимался бизнесом в Киеве, а Ромка после свадьбы с Таней оставил первый курс физвоса и перевёлся на юрфак в Симферополь. Мы не виделись уже девять лет. Это было целой вечностью. В ми-

ре, безоглядно катящемся в рыночные отношения, с болезненной ломкой и переделом старого уклада, со слепыми взлётами и такими же стремительными падениями, калечащими и ломающими судьбы людей, казалось, каждый из нас прожил за эти девять лет не одну, а целых девять жизней. На той стороне бессовестно путали слова песни, наконец сбивчивые голоса стихли.

— Рома, мне как раз есть куда бежать. Как улажу свои дела с переездом на Украину, обязательно буду, но не так скоро, — был мой ответ.

Ещё поговорили немного о моём решении переехать к родителям в Харьков, о том, что в грядущий миллениум мы войдём все вместе в Ромкином доме под «неудержный канкан». На том конце послышался приглушённый звон бокалов в мою честь, и Рома коротко распрощался. Взбудораженный звонком и новыми планами на встречу с друзьями, я ещё долго не мог уснуть, немного завидуя им и сожалея, что меня нет рядом.

От хмурого осеннего Харькова до Симферополя ехать поездом всего ничего — десять часов. Я проснулся ночью в приподнятом настроении от какого-то непонятного, не испытанного прежде чувства. В самом воздухе плацкартного вагона, ещё свободного от ароматов домашней колбасы, жареной курицы и свежих огурцов, чуялось мне что-то особенное, праздничное. Через некоторое время нутром уловил колеблющийся обертон пасхальной звонницы. Конечно, её никто не слышал, но во мне была непоколебимая уверенность, что мелодия есть — антифон, если хотите.

За окном стояла полная луна, мимо в туманной дымке проплывал размытый серебряным светом степной пейзаж.

В тамбуре я нашёл курящую проводницу.

— Скажите, где мы сейчас проезжаем?

— Скоро Армянск, — она выдохнула облачко дыма, — мы уже на полуострове Крым, — улынулась она.

Ромка ничуть не изменился — улыбчивый, приветливый, с курительной трубкой в зубах. На нём лёгкий плащ и берет — это выглядит

не совсем уместно под жарким осенним солнцем. Я всегда удивлялся, как в нём уживались, казалось, несовместимые состояния: чувственность художника, целеустремлённость спортсмена и прагматичная расчётливость юриста.

— Утром было прохладно — не рассчитал, — немного смутился он, разглядывая мою летнюю одежду. — Поехали ко мне, Таня для нас яств наготовила.

Вволю насладившись красотами ботанического сада и видами графского дворца, мы разместились во дворе потемневшего от времени дома посреди Салгирки — старинного парка графа Воронцова в Симферополе. На маленьком клочке ухоженной земли, среди кустов смородины и крыжовника, рядом с увядающим фруктовым деревом кем-то давно было брошено несколько плит из мрамора, образующих ромб. На них радушный хозяин установил пластиковый стол и стулья. Кроме моих друзей — Романа, Татьяны и их очаровательной дочери Саши, в доме проживали ещё три семьи. У каждой был отдельный вход, капитальная стена, отделяющая от соседа, и небольшой надел в собственности.

— Ромыч, это просто чудо! Посреди ботанического сада, с видом на дворец графа Воронцова, практически на берегу речки Салгирки иметь собственный дом! Как это получилось? — я был, как говорится, в культурном шоке.

— Да так, — уклончиво начал он, — коммунистическое наследие и годы перестройки плюс «прихватизация»... Ты лучше расскажи, как сам устроился.

Я неопределённо пожал плечами, особо хвастать было нечем. Из Казахстана я приехал налегке, без капитала — бизнес рухнул. Нужно было начинать всё сначала.

— Особо нечего рассказывать. Пока живу с родителями, осматриваюсь. — Я снова огляделся по сторонам. — Хорошо здесь! Как будто другой мир.

— Слушай, переезжай в Крым! — Рома вдруг оживился и даже чуть привстал с кресла. — Найдём тебе невесту, осядешь здесь, я помогу освоиться.

— Ту самую нимфу, — улыбнулся я, вспоминая телефонный разговор.

— Хотя бы Ирку. Она свободная девица, у нас в конторе работает юристом. Решено! Завтра вас познакомлю! — он, довольный своей идеей, широко улыбнулся.

— Это с кем ты Володю уже знакомить собрался? — во дворе с подносом в руках появилась Татьяна в цветастом до пят сарафане. С её плеч струился шёлк в крупную густо-красную розу. У Татьяны смуглая кожа, большие чёрные глаза под выразительными бровями и чувственный рот с чуть припухлыми губами. Она показалась мне Фридой Кало, царственно сошедшей с полотен своих картин.

— С Ириной. А чего, хорошая девчонка! — ответил Рома, с вождением потирая ладони, глядя на выставленное блюдо с мясом.

— Козля-я-тинка, — проблеял он, — фаршированная бры-ы-нзой!

— Ты лучше покажи Володе ЮБКа-а-а, — передразнила Таня мужа.

— А это что такое? — поинтересовался я.

— Южный берег Крыма, — Рома удивлённо вскинул брови. — Ты что, не слыхал?

— Дык я вообще на море ни разу не был, — мне отчего-то стало немного стыдно за этот факт — как-никак на исходе был третий десяток.

— Завтра же исправим этот досадный провёл в твоей биографии! Ирку прихватим, — заговорщицки понизив голос, добавил Рома.

— Сводник! — в шутку сокрушалась Таня.

На столе появилось вино, напитки покрепче, из колонки, по случаю установленной во дворе, неслись «Дети октября» БГ. И мы, обласканные осенним крымским солнцем и согретые вином, были абсолютно счастливы встречей. Иногда Ромка, не выпуская из зубов трубки, в такт мелодии отколачивал по краю стола ритм тамбуринов или бил в рынду, висевшую на фруктовом дереве, раскинувшем сухие ветви над столом. Звук рынды напомнил мне о ночных переживаниях в поезде. Я в шутку рассказал Ромке, а он, вмиг утратив хмельное веселье, вдруг стал очень серьёзным. Глядя куда-то в сторону, он пару раз пыхнул трубкой.

— Крым — особенное место. Я уже забыл его звучание. Может, оттого, что я долго живу на полуострове? — наконец задумчиво произнёс он. — Много чего здесь намешано... Смыслов разных и сущностей...

— Ты это о чём, Рома? — резкая перемена в его настроении меня удивила. Я раньше не видел Ромку таким. Мне захотелось узнать, о каких таких смыслах и сущностях он говорит.

— Да ладно, не бери в голову, — отмахнулся он. — Может, сам всё увидишь — тогда и объяснять не надо будет. Что-то я не в настроении, — он явно избегал предметного разговора. — Давай лучше я другой концерт БГ поставлю. Как насчёт «Аквариума»? — Ромка с готовностью вскочил с кресла и двинул в дом.

— Забыл спросить! — крикнул я вдогонку. — Гребенщиков тогда доехал до вас? — мне вспомнился июльский разговор по телефону — я хотел сменить тему, чтобы не портить вечер своими нежелательными расспросами.

— Не-а. Что-то там не сложилось, — донеслось из прихожей. — Я не напрямую с ним договаривался, а через знакомых. Те, в свою очередь, говорили с Фаготом — Александром Александровым. В общем, не получилось.

Наутро, заехав за Ириной, мы отправились к морю. Оно оказалось величественным и спокойным. Накатившая волна лизнула мои босые ноги. Вода ещё не утратила своего тепла — у берега плавали медузы. А я, ни о чём не думая, смотрел вдаль и слушал пасхальный перезвон. На душе за многие годы стало спокойно и светло. Днём, накупавшись вдоволь, вечером в свете костра возле палаток мы наблюдали за уставшим солнцем, окрасившим часть неба и моря жаром доменной печи. Из приёмника авто доносилась песня Земфиры, и Ира вполголоса подпевала любимые строчки.

— «Я помню все твои трещинки, ага, ага, — лилась мелодия, — пою твои, мои песенки...»

Мне казалось, что вот наконец в моей жизни чёрные клавиши судьбы разбавятся белыми, светлыми полутонами или даже исчезнут вовсе.

Ирина подошла к кромке шелестящей камешками волны. В последних лучах заходящего солнца небо догорало розовыми всполохами, обрамляя темнеющий девичий силуэт. Я невольно залюбовался этой картиной и подумал, что Ромка прав: мне надо остаться здесь, в Крыму. А он — я чувствовал это — всё время скрытно наблюдал за мной и Ириной.

— Ты знаешь, Володя, какой сегодня день? — серьёзно, совсем в непривычной для него манере, спросил Рома.

— Четвёртое сентября, — на автомате выпалил я.

— Сегодня день нашей с Таней свадьбы! — торжественно произнёс он и поднял бокал.

— Я уж думала, ты забыл, — лицо Тани осветилось улыбкой.

Ночью поднялась волна. На каменную косу рядом с нашим лагерем волной выносило медуз. Маленькие, с пол-ладони, они ненадолго попадали в каменный плен выбоин. Пытаясь выбраться, медузы наскакивали на стенки ванн и злобно сверкали холодным синим электричеством, пока следующая накатившая волна не смывала их в море.

— Нет, сегодня их не будет, — глядя в затянутое облаками муаровое полотно неба, разочарованно вздохнул Роман. Он присел на корточки, разглядывая пленниц. — Наверняка им кажется, что таким образом сами спасают себя, — Рома придержал одну медузу, и та снова сверкнула крохотными разрядами.

Следующий день мы провели в Коктебеле. По набережной, меж заставленных сувенирами павильончиков и притуленных друг к дружке небольших забегаловок, предлагающих кухню разных частей света, сновали туристы. Отовсюду лилась музыка, зазывалы продавали туры: прогулки по морю, экскурсии на гору Карадаг, поездки в Ялту.

Мы свернули из шумного людского потока за ограду и оказались в тиши внутреннего двора дома-музея Максимилиана Волошина. На веранде проходили поэтические чтения, что-то обсуждали. Мы ненадолго задержались и странным образом погрузились в атмосферу, никак не связанную с той сутолокой за забором. Казалось, здесь витал тот

особый дух, царивший некогда здесь, на берегу Чёрного моря, в доме Волошина. Поэты — неспешные люди, сделал я вывод. Как только мы вновь вышли на набережную, нас снова закрутило в курортную суету.

В Симферополь вернулись далеко за полночь. Вынимая из магнитолы кассету с песнями Земфиры, Рома пыхнул трубкой, спросил:

— Вот ты, Вован, учил английский. Как перевести Земфирино «мне не нужны твои камбэки»?

— Камбэк — это «возвращаться».

Ромка посмотрел на меня, на Ирину, но ничего не сказал.

У Ромы я задержался ещё на два дня. Он оказался прав в своём молчании — с Ирой у нас не заладилось. Наверное, дело было во мне. Женщины не прощают мужчинам неуверенность в себе.

* * *

Миллениум вместе под «неудержный канкан» мы так и не встретили — дела у Ромы пошли неважно, и он с семьёй переехал в Москву, а затем ещё дальше — в Сибирь, в Ханты-Мансийск. Вскоре и меня судьба забросила на север России, в Карелию.

Я вернулся в Коктебель осенью 2016-го. Мы прилетели с женой участвовать в международном симпозиуме имени Максимилиана Волошина. И снова в аэропорту знакомое и уже забытое чувство пасхальной мелодии. Кажется, я разгадал её секрет. Карелия тоже имеет свой особый внутренний голос. Может, это память Земли? Мелодия рун, голоса предков, живших здесь испокон веков, сказания, былины? Когда подолгу не бываю в Карелии, я могу слышать, чувствовать её мелодию — это долгое «до», протяжный звук царь-колокола, придавленный к верхушкам медноствольных сосен низким северным небом, он плывёт вдаль мимо монастырей и погостов, церковей Валаама, Онежских петроглифов, саамских Кузовов, шаманских сейдов, дальше — на север, к Соловецкой обители.

На симпозиуме мы встретились с Александром Александровым, а познакомились летом 2015-го. Наше судно тогда попало в жуткий шторм близ архипелага Кузовá в Белом море. Десять долгих часов, проведённых в тесном кубрике под грохот неистовых волн, вой вскинутых к небу кормовых винтов, на время теряющих взвесь морской волны, а ещё десять часов болтанки и морской болезни сближают лучше, чем десять лет знакомства. В наш кубрик через иллюминаторы сочилась вода, на полу вповалку лежали туристы, а Фагот, придерживая собой «непослушные» рюкзаки, сидел, сложив по-турецки ноги кренделем, насвистывал в глиняную птичку-свисток печальные ноты то ли Массне, а может, свои собственные. Мне это казалось странным. Прочитав вопрос в моем взгляде, он подмигнул, натянуто улыбнулся, но лицо его, посеревшее, усталое, оставалось серьёзным.

— Это я духов успокаиваю, — был его ответ.

Я так и не успел спросить его тогда, о каких таких духах шла речь.

С этих пор что-то притягивало нас, будто соединяло невидимой нитью. Может, пережитое в море и недосказанность о дýхах? Выяснилось, Фагот давно живёт в Коктебеле. На симпозиуме мы много времени провели вместе. Он отлично знает историю Крыма, много с интересом рассказывал нам о крае. Иногда мне казалось, что в этих разговорах Фагот хочет поделиться со мной ещё чем-то особенным, личным, но откладывает это на потом — как говорится, готовит почву.

Как-то после долгой экскурсии по горе Карадаг я пожаловался ему:

— Вот смотри, Саш, битых пять часов мы с Леной ходили по этим кручам. И фото неплохие вроде бы, — я перелистывал на дисплее цифровика отщёлканные фотографии. — Но как только представилась возможность сфотографироваться вдвоём... Вот, гляди, — я нашёл нужное фото и показал Фаготу.

Нацепив очки, он внимательно вглядывался в изображения. Фотографий было две. Они шли друг за другом, отщёлканные в короткий промежуток времени, и на них было

отчётливо видно, как сначала всплывает, а затем зависает над нашими головами сигаровидная помеха цвета спелой сливы, испортившая вид и весь снимок в целом. Наконец, оторвавшись от дисплея, Фагот как-то странно с лукавинкой посмотрел на меня:

— Приходите ко мне в гости сегодня вечером. Я вас с женой познакомлю. Барбара только из Германии прилетела, она будет рада встрече, — сказал он это как бы между прочим, но за интонацией, прищуром глаз скрывалось нечто другое, о чём я, как мне показалось, должен узнать вечером.

Фагот и Барбара встретили нас у входа в сад, за каменной оградой.

— Спасибо, Володя, за Сашу там, на море, — она с теплотой пожалала мне руку, а Лену поцеловала в щёку.

— Вообще-то, это я лежал, не поднимая головы, а Саша ухаживал за всеми, — признался я, но Барбара уже не слушала, она рассказывала о своём саде, о муже, который вложил немало души в строительство и обустройство их маленького домика. «Маленький домик» оказался двухэтажным, с просторной гостиной — там стояло роскошное фоно — «претмет гордости и обошания Саши» — с двумя уборными и каким-то количеством комнат и гардеробных — мы туда уже не попали, поскольку обосновались в гостиной за столом, сервированным и уставленным блюдами с едой, как и полагается в торжественных случаях.

После ужина Фагот повёл нас на задний двор, где оказалась ещё одна, скрытая от посторонних глаз калитка. Она, как в сказке о Снежной Королеве, выводила из цветущего сада колдуньи в совершенно иной мир — на узкую тропку, карабкающуюся на поросшие бурьяном и полыньёю холмы. С высоты можно было различить узкую полоску моря и долину, изгорбленную серо-рыжеватыми возвышениями. Мне показалось, что Фагот немного нервничал — он поминутно бросал взгляды на долину, будто ожидая чего-то.

— Вон там... С тех холмов сюда и спустились римляне, — указал на гряды. А сам, казалось,

выискивая взглядом что-то меж земляных складок, ещё долго всматривался в горизонт. — Кстати, у каждого легионера на поясе висел небольшой мешочек с полыньёю, они принимали её, чтобы меньше чувствовать усталость, — после паузы наконец продолжил Фагот. — Подумать только, — насмешливо сокрушался он, — сейчас, в наше время, римлян уличили бы в принятии допинга.

Он помолчал ещё с минуту.

— Ну что, вроде бы всё показал, — в его голосе, на лице угадывалось то ли раздражение, то ли недовольство, словно опытный экскурсовод упустил из виду что-то очень важное. — Пройдёмте в дом, с нашего балкона отличный вид на долину.

Я не понимал, что происходит, и списал его нервность на желание произвести должное впечатление о своём доме — всё-таки мы были впервые у него в гостях.

Потом, сидя за плетёным столиком, укрывшись пледом, пили вино из высоких бокалов, смотрели в закатное небо, дивясь причудливым формам облаков.

— А это что напоминает? — Фаготу нравилась эта игра.

— Вот то чёрное облако — дракон. Видишь, как извивается его тело? Вон пасть. Сейчас он съест светило, — я вовсю фантазировал.

Солнце скатилось за горизонт, и «дракон» растаял без следа, как вдруг в погасшем небе, высоко над нашими головами, вспыхнули, засветились круги. Они плыли как будто в танце, делали круг и возвращались обратно.

— Ой, Вова, что это? — Лена удивлённо посмотрела на меня, затем снова на эти странные светящиеся круги.

— Это свет прожекторов отражается от нижнего слоя облаков. Дискотека идёт где-то. — Я сидел довольный собою. Мне нравится, когда что-то непонятное сводится в стройную научную теорию.

— У нас не проводят дискотек. И музыки не слышно, — возразил Фагот спокойным и немного равнодушным голосом, мол, ему-то в спор всё равно не вступать — и так всё знает. Он умеет так говорить.

— Значит, в соседнем посёлке пляшут. Я

видел такое в Алма-Ате, — не сдавался я, пытаюсь придать наносной уверенности своему голосу.

— Ты смотри не в центр круга, а приглядишься к периферии окружности. Ближайший посёлок за многие десятки километров отсюда. Не бьётся твоя теория. — Фагот был невозмутим, он не вступал в спор, но и не объяснял ничего, а лишь слегка подталкивал мои мысли в нужном направлении, чтобы я сам пришёл к верному выводу.

Там, куда он указал, я различил десятки светящихся сигаровидных субстанций, они кружили в хороводе, светились холодным синим светом.

— Вова, разве ты не видишь?.. — запрокинув голову, Лена уставилась в небо.

— Но как? — я растерянно взглянул на Фагота. Он стоял, закинув руки за спину, и своим важным видом напоминал мне нацепившего очки, умудрённого жизнью сказочного ворона.

— Духи, — коротко ответил он и широко улыбнулся, должно быть, так смотрит педагог на ученика, нашедшего наконец правильное решение.

— Какие ещё духи? И так понятно — иллюминация, эффект тако...

Вдруг мимо меня на расстоянии вытянутой руки демонстративно проплыла одна из субстанций, словно решив поставить точку в нашем споре. Я успел разглядеть её ленточное тело, короткие лапки, как у многоножки, с круглыми присосками на конце, вся она светилась холодным синим светом, будто медуза.

— Что это?! — я не верил своим глазам.

— Открытое сознание, Володя. У вас в Карелии много всякого такого... Только не видите вы, привыкли — чужое да далёкое всегда лучшим кажется, оттого и глаз замылился. Видел бы я их, если бы не жил подолгу в Германии? — Фагот пожал плечами. — Не знаю. — Он снова посмотрел в небо. — А это, кстати, была девочка. Есть и мальчики, но они редко показываются.

Он по-дружески положил мне руку на плечо, и мы долго ещё молчали, смотрели в ночное крымское небо.

□

Владимир Геннадьевич СОФИЕНКО

родился в 1968 году в г. Темиртау (Казахстан).

Окончил Карельскую государственную педагогическую академию.

Психолог-тренер.

Пишет прозу.

Автор книг «Ожидание в 2000 лет», «Под солнцем цвета киновари»,

«Смотритель реки», «Жизнь по зёрнышкам».

Организатор

международного литературного фестиваля «Петроглиф».

Живет в Петрозаводске.

